

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анатолий РАДОВ

ИЗГОЙ.
НАЧАЛО ПУТИ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р15

Серия основана в 2004 году
Выпуск 408

Художник
О. Бабкин

Радов А.
Р15 Изгой. Начало пути: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 343 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1154-2

Проведя в шутку ритуал, он провалился в другой мир и попал в рабство. С того злосчастного дня прошло два долгих года, прежде чем у него появился шанс стать свободным. «Всего лишь убей — и я сниму с тебя клеймо раба», — приказал хозяин... Но он не смог убить. Он выбрал другой путь, который повел его в неведомое будущее...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1154-2

© Анатолий Радов, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Гроза мешала. Я двигался по ночному городу короткими перебежками, от дома к дому, от вспышки до следующей вспышки, и, едва сверкала новая, — замирал. На мгновение все вокруг резко очерчивалось — серые шершавые стены, серые дома, серый каньон безлюдной улицы, но тут же с пугающей скоростью опять погружалось в густой непроницаемый мрак. А я срывался с места и бежал дальше, в любую секунду готовый снова замереть. Словно играл с грозой в старую детскую игру.

И вдруг полыхнуло ярче всех предыдущих раз, будто скальпелем резануло. Я перешел на шаг, запоздало прикрыв глаза.

— Черт! Да чтоб тебя Номан покарал!

Но своего голоса не услышал: словно утлая лодочка в бушующем океане, он потонул в мощном раскате грома. Я заелозил по векам кулаками и одновременно с этим испуганно выдохнул. С ума сойти! Выбраниться так на молнию, которая как раз и является атрибутом Номана — бога всего живого, творца мира Отум. Совсем голова не варит после двух бессонных ночей.

— Прости, Великий Номан.

Не дожидаясь, пока зрение восстановится, я слепометнулся вправо и присел на корточки у стены. За секунду до этого ладонь машинально надавила на рукоять боевого ножа, не давая ножнам коснуться булыжной мостовой.

А с неба сорвались первые крупные капли. Сухой и спертый воздух, доставшийся ночи в наследство от жаркого летнего дня, тут же наполнился прохладой, и от камней потянуло лучшим из ароматов, что бывает только в самом начале дождя — густой, но легкий, от которого внутри рождается щекочущее ожидание чуда. Очень похоже пахнут арбузы. Очень, но все равно не так.

Вздыхнул с тоской. Вот уже два лета я не ел арбузов.

И только собрался двинуться дальше, как за ближайшим поворотом, ведущим на площадь Черного Звонаря, послышались отчетливые тяжелые шаги. Черт, неужели стражники?! Но ведь они в это время должны быть у Ранской арки!

Бросил затравленный взгляд на противоположную сторону улицы. Ну что за непруха?!

Там было где укрыться от неожиданных и ненужных встреч. Большой балкон двухэтажного дома поддерживали две колонны в виде перекрученных толстых стволов сейконы. А здесь, как назло, ни одного балкона, ни одного козырька, — мелькнет очередная молния, и ты как на ладони.

Рванул обратно степным карбулком, но не успел. Стражники вывернули из-за угла, слабенькая белесая вспышка, не слепя глаз, мягко осветила округу, и я остановился.

Твою мать...

Покачав досадливо головой, повернулся лицом к патрулю.

— Стоять, — буркнул высокий стражник, хотя именно это я и делал. Теперь, когда свет вспышки уже в который раз жадно поглотила ночь, я снова различал лишь силуэты. Второй, чуть пониже ростом, в отличие от своего напарника, не стал размениваться на слова. Развязным жестом вскинул руку и молча метнул воздушные «путы». Заклинение не боевое, но способное на время обездвигнуть. Кто знает, вдруг я порядочный житель города или даже благородный, — убей или просто повреди такого, и можно

запросто вылететь со службы. А если даже пожалеют за прошлые заслуги и все-таки оставят, то родственники загубленного обязательно наймут убийцу. И то, какой будет твоя смерть, зависит только от цены. За хорошие деньги ты будешь умирать долго и мучительно — неделю, две, три... корчась от боли и проклиная тот миг, когда решил не делать предупредительного в воздух, а сразу использовал боевое плетение. Поэтому низкий перестраховывался.

Мне же опасаться было нечего. Я чужой здесь, мне плевать, что обо мне подумают местные жители, мне плевать — кто тут благородный, а кто простолюдин, кто богач, а кто нищий, кто святой, а кто убийца. Я пришел, чтобы заработать свою свободу и сразу уйти, не оставив ни следов, ни воспоминаний о себе.

На пути воздушного плетения мгновенно возник «щит» из той же стихийной ветви, а в сторону стражников метнулась «молния» первого круга, похожая на гибкую, сверкающую стрелу. Это заклинание имелось в моем арсенале вот уже полтора года. Старый пьянчужка, но хороший маг — Альтор'Кранг обучал меня всему, что умел сам. Почти такая же молния, как и те, небесные, которыми играет в облаках Великий Номан. Мощностью не сравнить, но, чтобы вывести из строя не защищенного магией, вполне достаточно.

Ждать и тем более проверять, защищены стражники или нет, и в мыслях не было. Ладонь стиснула рукоять, потащила клинок вверх, и я ринулся в бой. Клинок у меня обоюдоострый, длиной в полметра, довольно легкий благодаря глубокому долу, идущему от перекрестия до середины. Делая замах, метнулся вслед за сверкнувшим заклинанием, и уже через секунду лезвие перерубило древко одной из алебард у самого топора. Тот громко звякнул о мостовую, стражник отбросил ставшую бесполезной дровяшку и потянулся к ножнам, висевшим на простенькой перевязи. Но я не мешкал. Двумя быстрыми шагами сблизился, заступил правой ногой за его ноги. Клинок полетел

вниз, брошенный за ненадобностью, а я, вложившись в удар всем телом, засадил ему в подбородок локтем. Не ожидавший такой прыти стражник попытался сделать шаг назад, чтобы удержать равновесие, но наткнулся на мою ногу и в полный рост рухнул вниз. В эту же секунду я оставил его и занялся вторым. Видимо, на пластинки лат все-таки наложены какие-то защитные плетения против стихийных ветвей. На каждую по одному, чтобы не соприкасались друг с другом, иначе могут возникнуть непредсказуемые последствия.

Поэтому низкого стражника «молния» лишь ослепила, и он, выставив перед собой алебарду, жадно прислушивался к каждому звуку. Как раз в тот момент, когда до его ушей донесся звонкий удар доспехов о булыжники, я уже был у него за спиной и, обхватив шею, изо всех сил напряг мышцы.

Нет, душисть насмерть я не собирался. Низкий попытался ударить древком, не достал, резко отшвырнул алебарду, потянулся к поясу. И снова звон. Черт! Слишком много звона. Я перехватил его руку и сжал запястье мертвой хваткой. Дыхание стражника стало похоже на всхлипывания, кадык судорожно заходил вверх-вниз, но я ждал. И лишь когда ноги задергались в первых па танца агонии, ослабил захват и аккуратно уложил уснувшее тело на мостовую. Вернулся к первому. Тот, придя в себя, неуклюже поднимался. Минута борьбы — и он последовал за своим напарником, а я облегченно выдохнул. Теперь они не очнутся в течение получаса как минимум. И очень надеюсь, мне хватит этого времени.

Схватив высокого под мышки, тяжело дыша от напряжения, я потянул его в темный проем между домами. Весил этот кусок мяса, засунутый в кучу железа, порядочно. Вспыхнула молния, я вздрогнул и с досадой сжал зубы. Ну, неужели нельзя было без этого?

Оттащив оба тела в черный проем, я отер мокрые, пахнущие железом ладони об куртку, стряхнул капли дождя с

волос, поднял с мостовой нож и бегом бросился по улице. Теперь можно не прятаться, не перебегать из тени в тень, прислушиваясь к каждому шороху. За двое бессонных суток я хорошо изучил маршруты стражников в этом районе. Три патруля — две двойки и одна тройка. Сейчас первая двойка где-то в конце улицы Вздоха Зыби, тройка должна быть на углу Красной Стрелы и улицы Дар'Шида, ну а вторая двойка временно дисквалифицирована. Да дело даже не в этом, больше всего я опасался возможностей здешних стражников. Как назло, за две ночи, проведенные в слежке за ними, ничего криминального не произошло, и я не смог оценить их боевые качества.

О Великая Эри, мать удачи, как отвернулась ты от меня два года назад, так и стоишь до сих пор, сверкая своим голым...

Придя в Лиорд, я обнаружил, что семьи, одного из членов которой мне нужно было убить, чтобы обрести долгожданную свободу, в городе нет. Уехали на какое-то их богемное мероприятие в соседний городок. Что-то вроде бала, где каждый год собираются самые знатные семьи Северного Доргона. Вот поэтому я и занялся разведкой, чтобы обезопасить себя на будущее.

«А если бы они были в городе, ты бы сразу полез к ним в дом?» — Я даже не успел ответить себе, как снова вспыхнула молния. Почти без паузы громыхнуло, раскатилось с треском по небесам и, ударив в легкие озоном, рассыпалось осколками звуков в темных переулках. Что ж, потом об этом подумаю. После того, как дело будет завершено.

Быстро преодолев три квартала, я замер в нескольких метрах от нужного дома. Сколько раз за эти два дня я прошелся мимо него? Десять, двадцать? Не считал, но знаю, что немало. Пялился искоса за решетку ограды, разглядывал осторожно двор, вглядывался украдкой в окна. Вроде бы ничего опасного. Конечно, что-то из магического обязательно будет — защитные плетения на дверях, ло-

вушки на окнах и в коридорах, амулеты в стенах. Если бы не любитель промочить горло Альтор'Кранг, то вышло бы, что послан я хозяином на верную смерть. Да, сынок этого ублюдка, Вирон'Стора, использовал меня в качестве спарринг-партнера для своих тренировок, но какой в том прок? С одним ножом и приемами ашкорской борьбы против магии не погрешь.

Впрочем, и с тем, чему меня научил Альтор, супротив хорошего мага переть бессмысленно. А ведь у Рин'Гаров такой маг может служить в качестве охранника. Благополучие позволяет нанять, и даже не одного. Это если они сами не владеют какой-нибудь ветвью — Свет, Тьма, Хаос, Порядок, Стихии, магия Крови. А если владеют... В этом случае опасность куда больше. Хозяин дома, сам являющийся магом, не преминет защитить свое жилище кучей всевозможных магических штучек и сделает это на самом профессиональном уровне. Не для чужих же, для себя.

Все-таки, знание — это сила. Да и умение тоже.

Что касается последнего — я кое-что умел, хотя и было это «кое-что» всего лишь несколькими простыми заклинаниями, помноженными на недюжинные способности. Так говорил Альтор. А что касалось первого — тут был полный ноль. К сожалению, я так и не смог разузнать ничего об этих Рин'Гарах, хотя и потратил все имеющиеся кирамы, чтобы напоить в более-менее приличной таверне двух горожан. С ними я познакомился, «случайно» налетев на этих двух идиотов из-за угла. Потом были тысячи извинений с моей стороны, потом я предложил загладить вину щедрым угощением в виде четырех бокалов хорского и пары кусков жаркого, а потом кусал локти, когда эти гады, налакавшись забесплатно до состояния нестояния, так и не рассказали ничего полезного об интересовавшей меня семье. Отделались обычным лебезением — мол, благородные, порядочные, честные, и кучер у них хороший, всегда аккуратно ездит, ни разу еще никого не задавил.

И от этого незнания на душе было тревожно.

ГЛАВА 2

Дом был на другой стороне. Стремительным рывком я пересек улицу и остановился, чтоб отдышаться. Чертовы вспышки!

О Великий Номан, будь благословенен каждый твой вдох и выдох. Но не мог бы ты перенести свои забавы с молниями на следующую ночь? Не со зла говорю, а просто спрашиваю.

Отъявленный атеист в своем мире, здесь я стал верующим. Здесь нельзя быть неверующим, ибо я видел сам. Однажды один из братьев моего хозяина решил проявить удаль, опрокинув третий за день кувшинчик хорского вина. Сладко крикнув и швырнув пустую тару вверх, он принялся ругать Великого Номана. Наверное, ему в хмельном угаре казалось это смешным, и, уверен, он чувствовал себя очень крутым, но точнехонько после третьего ругательства от этого идиота осталась лишь горка пепла. От нее струился вверх дымок, и не очень приятно несло горелыми волосами. Воистину — бог любит троицу и не любит идиотов.

Не спорю — это могло быть чистым совпадением, но что вы скажете о моем единственном друге в этом мире, о старом маге, для которого, увы, выпить стало дороже свободы и гордости, но который запросто мог попросить у Номана прикурить? Он брал в зубы глиняную трубку, набитую сухими листьями армака, возносил к небесам просьбу — и оттуда, точно в центр чашечки, снисходила малюсенькая молния. Возможно, старик просто шутил, и все это только эффектный магический трюк, но что, если нет?

Кстати, именно за это я и испытывал к нему глубочайшее почтение и даже мистический трепет. А что еще можно испытывать к тому, кто прикуривает у самого главного бога мира, в который тебя угораздило попасть?

Но как бы там ни было — бог это бог, даже если он подносит огонек старому пьющему магистру стихийных ветвей. Вот поэтому и обращался я к Номану уважитель-

но, чтобы он невзначай не бросил следующую молнию прицельно, решив, что я слишком нагл и пришло мое время стать чашечкой глиняной трубки. Но вот мешали все эти вспышки — это да. Что, если какой-нибудь любитель выглядывать сквозь приоткрытые ставни, когда за ними бушует стихия, увидит меня или, что еще хуже, — разглядит во время вспышки лицо? Разве мне это нужно?

Сделав несколько шагов, я замер возле высокой решетки забора. В отличие от остальных, этот особняк был огорожен, благо участок, на котором он стоял, занимал едва ли не полквартала. Вцепился в скользкие мокрые прутья, вскарабкался наверх. Спрыгнул, распластался на траве, словно предчувствуя следующую вспышку, которая не заставила себя ждать, и поднялся, только когда свет вновь убрался прочь, не в силах перебороть ночную тьму. Потом рванул к огромному балкону, где, наверное, члены семьи Рин'Гар любили попить сладкий айкас в теплые летние деньки. Мода на перекрученные колонны была как нельзя кстати.

О Великая Эри, неужели ты обернулась и бросила на меня взгляд? Пусть не покровительственный, пусть всего лишь презрительный, но это все-таки взгляд, а не сверкающая божественная белизна твоих ягодич.

Я поднял руки и прощупал выступы колонны, спиралью уходящие вверх. Неудобная лестница, конечно, но все же лучше, чем если бы они были просто гладкими. Я согнул в колене правую ногу и, вцепившись руками в набухшую каменную «вену», стал искать носком сапога удобную опору. Витки были округлыми, вдобавок уже мокрыми, и носок два раза соскальзывал. Не такое уж и простое восхождение мне предстоит.

Наконец носок удержался, я распрямил ногу, задрал другую, ища новую опору, до боли в пальцах цепляясь за верхние витки. Еще один рывок, следом третий... Пальцы правой руки намертво вцепились в часть балконного барельефа — прекрасный каменный цветок, похожий на астру с двумя торчащими в стороны листьями по бокам. За

лист я и ухватился, радуясь тому, что архитектор этого дома выбрал такой потрясающий барельеф. Несомненно, он очень благородно и, что самое важное, полезно украсил фасад.

Теперь я чувствовал себя уверенней, но мое восхождение все еще не закончено. Я задрал голову. До кромки парапета от уцепившейся в лист руки было не менее полуметра, а от глаз еще дальше. Снова вспыхнула чертова молния, и я на пару секунд прижался к камню, даже через плотную ткань дублеты почувствовав его мертвый холод. Потом резко рванул дальше. Переставив ногу на три витка выше, подтянулся на одной руке, ухватился другою за второй лист, подтянулся уже на двух. Еще рывок, почти прыжок, и вот пальцы левой сжали узкую каемку парапета. Зацепившиеся за кусок барельефа ножны резанули слух скрежетом, и я замер. Второй раз ножны просто звякнули, продолжая раскачиваться по инерции после прыжка, и, торопливо опустив правую руку, я отцепил их. Большой нож мне пока не понадобится, у меня есть второй, поменьше. Лезвие чуть длиннее ладони и едва ли шире двух пальцев, но чтобы достать до сердца или перерезать горло — вполне достаточно. А этот заберу потом, на обратном пути.

Ножны беззвучно упали на траву, и я почувствовал себя намного свободней. Теперь не нужно думать о том, что они могут зацепиться о камень и прогреметь среди ночи, как колокола всех храмов Семи Дорог.

Правая рука взмыла вверх, уцепилась за еще один лист, рывком подтянулся, перехватился ею за парапет, последний рывок, и я пузом повис на каменной кромке. Боль в животе на секунду заставила скривиться, я закинул ногу и перевалился на ту сторону. Уже приземлившись на пол, неловко зацепил плечом небольшой стульчик. Тот, проскрежетав ножками, отъехал от меня сантиметров на десять, но мне повезло. В этот самый момент далекий глухой раскат полностью слился со скрежетом, и он остался слышен только мне.

Приподнявшись, я огляделся. Низенький элегантный столик, два стульчика...

О Великий Номан, с каким удовольствием я сейчас присел бы на один из них, щелкнул пальцами, и проворный слуга тут же принес бы мне чашечку дымящегося ароматного айкаса. Клянусь тебе, тогда бы я вновь почувствовал себя человеком, а не вещью. Ты даже не представляешь, как мне хочется почувствовать это снова.

Желваки пару раз дернулись, но я отогнал от себя лишние мысли. Нужно двигаться дальше. Нужно убить того, чья спальня находится в правом углу второго этажа...

— Крайнее правое окно, второй этаж. — Сказав это, Вирон'Стор схватил меня за грудки и притянул к своей широкой, покрасневшей от пяти бокалов хорского роже. На меня дохнуло смрадом самого ада: трехдневный перегар вперемешку с амбре от гнилых зубов. — Запомнил, раб?

— Да, хозяин.

— Убьешь того, кто там спит, и я сниму с тебя магическое клеймо. Ты слушаешь меня, раб?

— Да, хозяин.

— Ты говорил, что в твоём мире ты был свободным. — Вирон'Стор усмехнулся и, отпустив меня, толкнул кулаком в грудь. — И даже десять лет проучился в магической школе?

— Не магической, хозяин, — поклонился я, отступив на три шага и с трудом устояв на ногах. — У нас нет магии. Я окончил обычную среднюю школу и собирался поступать в вуз.

— Заткнись! — рявкнул Вирон и заржал, как табун коней. Повернув голову вправо, он посмотрел на своего второго брата, который хоть и был таким же идиотом, как и тот, что решил поругать Великого Номана, но все же не настолько, чтобы пойти его дорожкой. Хотя я с удовольствием посмотрел бы на кучку пепла из его обрюзгшего тела. Да и если бы самого Вирона испепелил Великий Бог Отума, я был бы не против.

— Слышишь, брательник, этот раб заявляет, что десять лет проучился в магической школе, а не может продемонстрировать даже простейших заклинаний.

Он резко перевел взгляд на меня, и презрение в его глазах превратилось в пламя.

— Ты лжешь, раб! Ты изгой. Тебя вытолкнули из твоего мира, потому что ты был там лишним. Скажи, а эта старая пьянь не пытается тебя чему-то учить?

— Нет, хозяин.

— Врешь! — взревел Вирон и швырнул в меня обглоданной ножкой карбулка. Кость угодила в грудь и, отскочив, шмякнулась на пол.

— Вначале он пытался, — в тысячный раз проглотив обиду, невозмутимо стал объяснять я, — но очень скоро понял, что у меня нет никакого таланта. Я настолько глуп, хозяин, что не могу запомнить ни одного плетения.

— Ха-ха-ха! — Огромное тело Вирона задергалось в припадке неудержимого смеха. — Я так и знал. Ты насмешил меня, раб. Ты смешной, хоть и глуп как пробка. Поэтому я даю тебе шанс. Ты все равно сдохнешь без хозяина, но я даю тебе шанс. Крайнее правое окно, второй этаж дома Рин'Гаров в Лиорде. Убей того, чья это комната, и ты свободен. Клянусь Великим Номаном. Но если ты не справишься — то я лично задушю тебя вот этими руками! — Он поднял две жилистые мощные руки и потряс ими. — У тебя есть выбор.

Мощное ржание, взмывшее до потолков, обрюзгший от чревоугодия брательник Вирона подхватил каркающим противным голосом...

Черт, эти ненужные сейчас мысли все же завладели мозгом. Отмахнувшись от них, как от назойливых слепней, я приблизился к двери, ведущей внутрь дома. Выставил вперед руки и, закрыв глаза, сосредоточился на ощущениях в ладонях. Нужно проверить, нет ли здесь магических ловушек. Почти две минуты я «прощупывал» дверь, переходил на стены вблизи коробки, снова возвращался к

двери. За два года Альтор'Кранг научил меня многому, но вот практики явно не хватало. Особенно в реальных условиях.

Обнаружив только слабенькое заклинание «хлопок», которое ставится обычно на одну ночь, я аккуратно обезвредил плетение, достал из-за пояса ножичек и тронул рукою натянутый бычий пузырь. Магия магией, а замок или защелку все равно не обойти.

Стекло в этом мире делать еще не научились, да и, судя по всему, многим тут было не до него. Власть, деньги, земли соседей, интриги, выгодные браки — это все стояло для жителей Ольджурии на первом месте. По крайней мере, в Северном Доргоне точно.

Натяжка пузыря была сильной, я осторожно проткнул его в нижнем правом углу, у самой рамы, подождал немного, боясь что он просто лопнет, потом увеличил разрез и нырнул в него рукой. Если будет щеколда — хорошо, нет — придется делать длинные надрезы с двух смежных сторон рамы. Но пальцы нащупали такой же замок, как и снаружи. Пришлось поработать ножиком. Через пару минут я откинул пузырь, словно полог палатки, и проник внутрь дома.

В нос дохнуло запахом домашнего уюта, сложенным из сотни мелочей. Ковер, засохший букетик в глиняной вазочке, мебель из дерева, обивка, что-то еще и еще что-то, что уже подзабыл, потому что последние два года прожил в сарае, где, кроме запаха соломы, сырости, пота и мочи, ничего больше не было.

Осторожно опустив край пузыря, сделал несколько шагов и, щурясь, осмотрелся. Одни силуэты, но и этого достаточно, чтобы понять, слава Великому Номану, я оказался не в спальне, а в чем-то вроде залы. Стараясь дышать как можно тише, стараясь наступать как можно беззвучнее, пересек комнату и, пройдя под маленькой аркой, оказался в длинном темном коридоре. Свернул вправо, двинулся по нему безмолвным духом. Вот одна дверь спра-

ва — это третье окно. Вот еще дверь слева — это вообще не с той стороны. А вот и она, в самом конце.

Я остановился, чтобы просто подышать и сосредоточиться. Но стало лишь хуже. Мои руки мелко задрожали, вспотели, дрожь разлилась по всему телу, и даже сердце затрепетало крылом бабочки, охваченное этой дрожью.

О Великий Номан, прости мне грех убийства, ведь ты же знаешь, что я делаю это ради своей свободы. Ведь ты же видел мои унижения, мои боль и обиду. Ведь ты же знаешь, как я хочу снова стать человеком, а не быть рабом.

Я тронул ручку и медленно надавил. Дверь оказалась незапертой. Приоткрыв ее наполовину, я бесшумно вздохнул и скользнул внутрь.

ГЛАВА 3

На маленьком столике в углу комнаты тускло горел магический ночник, наполняя пространство размытым зеленоватым светом. Значит, там, снаружи, не показалось. Черт! В темноте проще убить. Наверное, проще, ведь до этого момента мне убивать не приходилось. О, если бы не магическое клеймо! Я бы давно сделал это с радостью, даже с наслаждением. Я бы выпустил кишки Вирону, воткнув длинный нож в его заметно выпячивающееся брюхо. А потом бы заставил высчитать длину своих кишок в шагах.

Но все это — если может быть, когда-нибудь потом, в следующей жизни. А сейчас мне нужно убить того, кто спит в широкой кровати, стоящей в углу комнаты.

Я сильнее сжал изящную рукоять маленького ножа и задержал дыхание. Нужно сделать все очень быстро. Чтобы не дрогнуть. Чтобы не отступить в решающий момент. Резкий удар в сердце... Нет. Лучше короткое движение по шее, там, где сонная артерия. Раз — и все. Много крови. Крови будет много. А может, задушить? Подушку на лицо... А что, если тот, кто в кровати, окажется сильнее? Что, если я не справлюсь с ним? Решено — удар в сердце. По-

сле этого он уже не сможет сопротивляться, даже если будет бугаем в два раза крупнее меня. Потом придавить рану подушкой и только после этого выдернуть нож. Чтобы меньше этой чертовой крови.

Покатившаяся с волос капля холодно тронула лоб и выдернула меня из вихря мыслей. Девять быстрых, бесшумных шагов, стиснутые зубы, замах...

Правильнее было бы приблизиться вплотную, выцелить лезвие точно между ребер, держа острие от тела всего в миллиметре, и ударить со всей силы кулаком... но я боялся. Боялся, что жертва проснется.

И вдруг рука замерла, окаменела, а внутри все вздрогнуло. Боже!

На кровати лежала девушка лет шестнадцати. Ее умиротворенное лицо, обрамленное светлыми волосами, походило на лик ангела. Во сне она скинула с себя одеяло, наверное, от духоты, и очертания тела проступали сквозь тонкую ночную рубашку. Мой взгляд замер на розовом соске. Он упирался в почти воздушную ткань и в один миг одурманил мой мозг, окутав его сладкой истомой. Я тяжело сглотнул. Боже!

Девушка, словно почувствовав присутствие рядом, что-то пробормотала во сне и тут же безмятежно улыбнулась. А может быть, ей приснилось нечто хорошее и доброе. Я снова проглотил вязкую слюну и, сделав шаг назад, прижал руку с ножом к груди. Нет! Это какая-то ошибка. Чревлов Вирон, ублюдок Тьмы, мерзкое животное! Неужели он знал?

Конечно, знал! Это я, раб, проводящий все время на плантациях айкаса, не знал почти ничего об этом мире. Кроме того, что мне рассказывал старый маг. А про Рин'Гаров — он ни сном ни духом...

О Великая Эри...

Я снова шагнул вперед, но теперь не для того, чтобы убить. Нет, это было мне уже недоступно. Я не смогу убить это воплощение красоты. Мне хотелось только полюбо-

ваться ею, запомнить лицо, коснуться взглядом изящного тела, вдохнуть запах волос. Два года я не был так близко к девушке. Но едва я сделал шаг, как в дальнем углу что-то колыхнулось. Краем глаза ухватил движение четко, и голова сама повернулась в нужном направлении. На автомате. Ничего вроде. Обычная темнота.

Нет, там что-то есть.

Перехватив нож, я стал медленно приближаться к черному углу, куда почти не доставал свет ночника. То, что там было, понял — я не собираюсь отступить, и метнулось вдоль стены. Попав в более освещенное место, оно стало различимым.

О Великий Номан!

Меня пробрал мистический ужас, в желудке вдруг ниоткуда появилась глыба льда, рот сам оскалился.

Это был он. Вестник Тьмы, ее разведчик, выискиватель душ. Черная взлохмаченная собака, держась стены, проскочила мимо меня и запрыгнула на высокий шкаф с проворностью кошки. Я обернулся вслед движению и встретился взглядом с двумя горящими красными глазами. Собака вскинула вверх крылья и зашипела.

Подобную тварь я видел впервые, но Альтор несколько раз рассказывал о них. О вестниках Тьмы. Он мне вообще рассказал обо всех существах этого мира, о которых знал сам. И еще о нескольких, которых не знал. Тут он просто пересказал слова своего учителя. Вот и этого он описывал с его слов — черный грон с крыльями, подобный виару, но не виар. Его глаза красны, как пламя преисподней, он шипит, как гады, и приходит, чтобы оставить на угодной душе метку. Угодной Тьме. Чтобы демоны Зыби смогли легко отыскать ее, когда понадобится. Если увидишь такую — беги. Беги, пока метка не появилась на тебе.

Но я и не думал бежать. Сотворив слабенький общий «щит» против первого круга стихийных плетений, я замер...

— Только световики могут совладать с этой тварью. Слышишь меня, Изгой? — Альтор рассказывал, даже продолжая собирать зерна айкаса. Только отсутствие вина могло остановить потоки его слов. Да и то не остановить, а лишь перенаправить в другое русло, и он начинал говорить только об отсутствии вина и о том, как ему плохо без глотка хорского.

...Я идиот. Какой «щит» против стихий?

Вестник склонил набок голову, посмотрел на меня с интересом, издал звук, похожий на отрывку, и, развернувшись, прыгнул в сторону окна. Длинный прыжок, почти через половину комнаты. Он легко прошел сквозь бычий пузырь, оставив на нем только черное мокрое пятно. Но уже спустя секунду раздался мерзкий, чавкающий звук, и пятно просочилось вслед за остальной частью себя. Я облегченно выдохнул. Слава Великому Номану, эта тварь решила уйти. Засунув нож за пояс, я вытер со лба пот и задумался.

Зачем вестник приходил сюда? Неужели...

Развернувшись, я испуганно посмотрел на девушку. Неужели Тьма решила забрать ее душу? Неужели...

Раздавшийся со стороны двери звук заставил сердце провалиться в пятки. Не соображая, что делаю, я машинально сплел боевое заклинание первого круга и бросил его за спину. Никого в этом доме я уже не хотел убивать. Никого. Поэтому использовал всего лишь «оглушение». Но, когда обернулся, успел пожалеть о том, что так легко поддался страху. За ту долю секунды, пока в зверином прыжке летел к двери. Едва успев подхватить мальчонку, который от заклинания потерял сознание, я тяжело выдохнул. Если бы расстояние между нами было всего на пару метров больше, то наверняка он расшиб бы лоб о мраморный пол. Прищурясь, глянул в темный проем коридора и, никого не увидев, поднял мальчишку на руки. Покрутившись на месте, решил положить его на стол. Больше некуда. Повсюду холодный руанский мрамор —

последний писк моды в Северном Доргоне. До сих пор помню, как полтора года назад до крови содрал кожу на ладонях и чуть не надорвался, таская тяжелые мраморные квадраты с телег на второй этаж дома хозяина. А чтобы я не сдох от потери сил, Вирон приказал варщику давать мне на треть больше похлебки, чем обычно.

На столе отыскалось и то, что мне было теперь нужно. Аккуратно уложив мальчишку, взял в руку перо и подтянул к себе стопку бумаги. Верхний лист был исписан маленькими буквами. Схватив его, я подошел к ночнику.

Это было незамысловатое письмо, судя по всему, адресованное подруге. Я прочитал подпись: Мариша'Гар.

— Мариша... — повторил одними губами и вернулся к столу. Взял чистый лист, поразмыслил несколько секунд и принялся писать:

«Парень, ты не знаешь написавшего эти строки и, думаю, не узнаешь никогда. Так будет лучше для меня. Но я хочу сказать тебе о другом. Твою сестру выбрала Тьма. Я видел в этой комнате ее вестника, который скрывался в углу. Скажи своему отцу, чтобы он нанял световика, только они могут противостоять Тьме. А если хочешь ее уберечь, то и сам начни изучать магию Света, и пусть Ма... твоя сестра тоже начнет изучать эту ветвь. Так она спасет себя».

Я заляпал кляксой неуместное «Ма», тихо подул на лист несколько раз, подсушивая чернила, и вложил его в руку мальчишки.

Потом на секунду вернулся к кровати, взглянул еще раз, закрыл глаза, чтобы запомнить, и, развернувшись, поспешил из комнаты. Коридор, знакомая зала, балкон... Я спрыгнул вниз и едва не коснулся задницей земли, когда пятки воткнулись в твердую почву. Коленки резанула боль, но обращать на нее внимания времени не было. Схватив ножны, я со всех ног бросился прочь из этого дома. Что мне делать дальше — я теперь не знал. Совсем не знал. И думать пока не хотел.

ГЛАВА 4

Вокруг были только тьма и звуки. Десятки звуков, говоривших о том, что я не один. Но я шагал сквозь эту потрескивающую, покрикивающую, похрапывающую, шуршащую и охающую тьму, держа наготове боевое плетение.

Покинув дом Рин'Гаров, я бросился переулками к одной из окраин города. Куда идти — еще не знал, но откуда уходить — уже догадывался. Я не выполнил приказа хозяина и потому направлялся на восток.

Огромное владение Вирон'Стора находилось на западе от Лиорда, площадью четыреста кусков земли, что позволяло ему считаться одним из влиятельных феодалов в Северном Доргоне. Почти треть поместья засажена низкорослым кустарником айкаса, из зерен которого делают душистый тонизирующий напиток. На этой трети мы и пахали с Альтором и еще сотней рабов не покладая рук. Рабочий... рабский день начинался задолго до восхода светила и не всегда заканчивался с его закатом. Мы сажали плетущийся, покрытый колючками айкас, выращивали, ухаживая за ним с раннего утра до позднего вечера, и потом собирали урожай. Судя по запаху и виду зерен — из них должно было получаться нечто похожее на наш кофе.

Наш?

Я горько усмехнулся. Имею ли я отношение к тому, что осталось там, в другом мире, или все оно уже мне чужое? А может, и прав был Вирон, обозвав меня изгоем?

Меня зовут Антон, что на местном наречии означает: Ант — раб. Частица «тон» — это «раб» на ольджурском. А второе «т»... Именно как Ант'тон слышал мой будущий хозяин мое земное имя.

«...Первыми Номан создал людей и дал им плодородное место, чтобы жили и плодились они по семени своему. А после создал и других.

И сказал он людям: вот место плодородное вам, ваше

все это, берите все, ибо для вас дал. Только с дерева алеф не трогайте плодов, ибо горьки они вам будут.

И брали люди все, что было положено им, лишь от дерева алеф не трогали плодов. Но был юноша среди них, именем Тон, что ослушался и пошел к запретному дереву и вкусил плод. И открылось ему многое, и увидел он по-другому все и презрел данное Богом. Узнал тогда Номан свершенное им и проклял его, сказав: отныне все чады семени твоего будут другим служить, ибо тот, кто не умеет слушаться, тот не может повелевать...»

Об этом месте из благого писания апостола Иоранна Светлого, чем-то схожем с историей из Бытия, я узнал уже потом. А в ту встречу с глупым рвением повторял и повторял свое имя двум богато одетым всадникам, на которых наткнулся утром третьего — после попадания — дня. Они же только ржали в ответ, и даже их логи ржали надо мной. Последнее, возможно, мне казалось, но тому было объяснение: слишком я ослаб от голода, прошлявшись по здешним лесам двое с половиной суток, а в подобном состоянии и не такое могло померещиться.

Ягоды есть я побоялся, да их и было не так уж много. Оранжевые, висевшие гроздьями на кустарниках с резными листьями, и синие — одиночные, росшие на низеньких, в полтора моих роста, деревьях. Охотиться? Но как и при помощи чего? Более того, несколько раз я сам чуть не стал пищей, едва успевая вскарабкиваться на деревья, когда на меня кидалось очередное местное чудовище. И это еще везло, что решившие полакомиться плотью попаданца хищники по деревьям лазать не умели, иначе меня бы постигла участь куда более худшая, нежели рабство. Хотя, может, рабство все же хуже? Жаль, но человек не может сравнивать что-то со смертью. Не исключено, что умеет он это, в каких-то случаях именно смерть бы и выбирал.

Справа громко хрустнула ветка, я предусмотрительно выставил в этом направлении руку, но не остановился, а даже прибавил шаг, взяв слегка влево. Возможно, это все-

го лишь какой-то маленький зверек. Или не маленький, но не хищник. В этом случае достаточно держаться по дальше и ничего страшного не произойдет. Сам он тебя просто так не тронет, а вот если ты пойдешь прямо на него, или на его жилище, где вдобавок могут быть детеныши, на защиту встанет со всей своей злостью и страхом. И за территорию, и за детенышей. Зачем лезть на рожон и испытывать судьбу?

Если же это хищник... тогда без разницы, на него ли ты идешь, или от него — здесь только одно играет роль: голоден зверь или нет, а твое направление не имеет решающего значения.

Но хруст, к моей радости, не повторился. Впрочем, это еще ни о чем не говорило. Охотники не имеют привычки передвигаться шумно.

Так я и двигался сквозь густую тьму леса, превентивно вскидывая руку при каждом шорохе или хрусте. Чертовы тысячи зверьков, шныряющих в ночи туда-сюда! Когда серый рассвет стал пробираться под густые кроны деревьев и тьма постепенно отступила куда-то за спину, нервы были на пределе. Хотелось орать, ругаться, бить кулаками в огромные шершавые стволы, чтобы вытолкнуть из себя страх и напряжение.

Заметив справа большую поляну, я свернул к ней. Вышел в середину большого круга, огляделся. Неплохое место для привала. По крайней мере, будет в запасе несколько секунд, если какой-нибудь хищник рванет на меня по открытой местности. Их должно хватить, чтобы понять — защищаться магией или удирать на ближайшее дерево.

Первым делом нужно было собрать хворост. Пока я выбирался из города, успел хорошенько промокнуть. Слава Великому Номану, дождь быстро прекратился, и тучи уползли на юг, еще долго мерцая зарницами у горизонта, но моя одежда уже была хоть выжимай. Что я и сделал, едва вошел в лес. Разделся догола, выжал каждую вещь, с силой перекручивая, потом по несколько минут встряхи-

вал. Но надевать все это сызнова все равно было мучительно. Зубы бились друг об друга, кожа пошла пупырышками. Пришлось совершить небольшую пробежку, чтобы хоть немного согреться.

Боже! За два года я привык к лишениям, но так и не сумел понять — за что? За что мне все это привалило? Ну да, дурканули мы с другом, но почему он остался там, а я провалился черт-те куда? Тем более что вызвать каких-то непонятных существ по книге Папюса была его идея. Так почему же я здесь, а он дальше кайфует там? Может, прав был чертов Вирон, и наш мир и в самом деле просто вытолкнул меня прочь? Но почему?

Я был самым обычным человеком. Ходил в школу, учился хорошо, хотя и ботаном никто меня не считал. Просто мой мозг впитывал в себя знания, как губка впитывает воду, и поэтому мне не нужно было подолгу корпеть над учебниками. Запоминал почти с первого раза. Ну а если встречалось что-то непонятное, перечитывал еще разок, и этого вполне хватало. Поэтому времени на погулять оставалось всегда.

Окончил школу с серебряной медалью — всего пара четверок: физкультура и химия. Ну не любил я эти два предмета. Первый за то, что на нем заставляли участвовать в командных играх, а я все-таки одиночка. Точнее, не одиночка, у меня было несколько хороших друзей, а просто никогда не понимал — зачем нужно собираться в кучу, чтобы куда-то там забросить, закинуть, забить надутый воздухом шарик? И все это мне так и представлялось — надутым воздухом шариком. Второй я не то чтобы не любил, а... не переваривал вообще. Первая причина — вечная вонь. Нет, не только химикатов, а еще и мочи. Кабинет химии находился возле мужского туалета. А запах химикатов вперемешку со стойким амбре мочи — это серьезный довод против. Вторая причина — училка, злостная стерва, вечно всем недовольная. Мы ее называли за глаза «челюстью». Когда она с ненавистью говорила нам о том,

какие мы негодяи и сволочи, ее зубы каким-то непонятным образом выдвигались вперед, и она была похожа на акулу, готовую всех нас сожрать.

Обойдя поляну по кромке, я собрал приличную кучу хвороста. Переломал крупняк, отобрал самые маленькие веточки и щепки, сложил из них горку и направил самое простенькое плетение из магии Огня — «искра». С первого раза не вышло, половина веток были сырыми — то ли от вчерашнего дождя, то ли от росы, и слабенький огонек, поколыхавшись несколько секунд, затух. Пришлось торопливо отбирать из горки самые мокрые веточки, и только после повторять попытку. Запасы магической силы у меня невелики, и желательно не раскидываться ими направо-налево. Для того чтобы восстанавливать их, надо впадать в особое состояние, похожее на транс. А для этого нужны силы физические. В состоянии восстановления приходится удерживать связь с магическим полем, что почему-то довольно быстро сжирает самые обычные калории. Альтор объяснял это интенсивной работой мозга в момент восстановления, и, как я понял, он, оказывается, жрет энергию в таком состоянии не хуже калорифера.

Со второго раза разжечь костер получилось. Я подождал немного, пока огонек разгорится, потом подбросил веточки покрупнее и наконец-то протянул к теплу озябшие руки. Утренняя прохлада была достаточно суровой, лето закончилось, стояла первая тридница осени, и организм дрожал почти каждой клеточкой. Слегка согревшись, я снова вернулся в лес и, отыскав небольшое бревно, притащил его к костру. Сидеть на росистой траве не хотелось. Не хватало еще простудиться, вот уж будет невезение так невезение. Целительных плетений у меня ни одного, по той причине, что их не было у Альтора, а других учителей я не знал.

Так, а что у меня есть? Устроившись на бревне поудобнее, принялся перечислять в уме заклинания, которым обучил меня старик. При этом загибал пальцы. Итак. «Ог-

лушение» — магия Воздуха, первый круг. Окутывает голову жертвы воздушной оболочкой, в которой резко возрастает давление. Можно сказать, боевое. «Искра» — это понятно. Тоже первый круг, только огненной ветви. Годится лишь для розжига костров, ну или спалить кому-нибудь амбар. «Усыпление» — первый круг водной стихии. «Молния» — та же стихия, но, в отличие от «усыпления», весьма эффективное в бою оружие. Здесь я успел добраться до третьего круга. У самого Альтора это заклинание было любимым. Ну и четыре «щита». Один, самый слабенький, — общий для всех ветвей и способен выдержать разве что «кулак». Остальные три защищают от стихийных плетений первого круга, одно на стихию, кроме Земли. Из-за ежедневных возлияний старик сам запомнил, как плести земляной «щит». Негусто, в общем, но и не пусто. Ни в какое сравнение не идет с первыми днями пребывания здесь. Вот только одно «но». Я бы даже сказал — «НО». Теперь, в отличие от тех дней двухгодичной давности, на моем плече красовалось магическое клеймо. Не физически, конечно, а только в ментальном плане, но радостней от этого не было. У Вир'Сторов клеймо выглядело как перевернутый основанием вверх треугольник, а внутри незамысловатый крест.

Увидел я все это на четвертый день пребывания здесь. Вирон не стал откладывать надолго момент моего клеймения, очень обрадовавшись, когда узнал, что я не местный и ни ярлыка «свободного», ни хозяина у меня нет. Диалог, из которого он вынес данный факт, выглядел, конечно, нелепо — с маханием руками, рисованием всякой хрени на песке и попытками уловить что-то общее в двух совершенно разных языках, но тем не менее нужное я все-таки умудрился сказать. Да оно и было всего одно — это нужное. Хозяина у меня нет. Все, точка.

Через секунду после окончания нашего оживленного разговора прямо в воздухе возникли серебристый треугольник и две пересекающиеся линии. В мгновение они поме-

няли цвет на красный и впились мне в правое плечо. Я вздрогнул от легкого укола, а Вирон опустил руку и довольно улынулся.

Простое, в общем, клеймо у Вир'Сторов, незамысловатое. Впрочем, как и сами Вир'Сторы. Ни Вирона, ни его братьев, ни жену, ни сына нельзя было назвать замысловатыми, даже в приступе рабской благодарности за кусочек мяса, который Вирон иногда приказывал варщику добавлять нам в похлебку.

Я стал прикидывать, какое расстояние отделяет меня от хозяина. До Лиорда от замка Вирона тридцать риг, за ночь я прошагал примерно десять — двадцать. Правда, в темноте не определить даже примерно. Может, я вообще по кругу шел, есть же такая проблема — из-за того, что одна из ног у человека хоть на миллиметр, но короче другой. Хотя, может, дело и совсем в другом, не помню, но то, что проблема существует, — это точно. Ладно, возьмем по минимуму, и пусть будет всего сорок риг. Это шестьдесят километров по-нашему. Что ж, достаточно далеко. Почувствовать клеймо он может только с расстояния четырех риг благодаря магии Крови, которой обучаются все благородные еще в детстве. Не в полном объеме, конечно, но ставить свое магическое клеймо и чувствовать его на определенном расстоянии учат всех этих будущих рабовладельцев в рамках обязательной программы. Уж не знаю, есть ли такие среди них, кто не держит рабов, но, думаю, мало кто отказывается от подобного удовольствия.

Но это не самое страшное. Продолжение у этой истории намного страшнее. Помимо самого хозяина, очень скоро за мной начнут охотиться все эти аристократы-рабовладельцы. У каждого магического клейма свое индивидуальное плетение. Это как ДНК — оснований всего четыре, а вариантов триллионы. Хотя тут больше похоже на программу. И Вирон поступит следующим образом: он начнет передавать начало плетения моего клейма своим друзьям и просто знакомым, те распространят своим... Цепная ре-

акция, геометрическая прогрессия. Вот вам, свободные и благородные жители Доргона, новая сигнатура, при обнаружении... Что при обнаружении? Это еще тот вопросец. Может просто сдать стражникам и вернуть хозяину, а может и прямо на месте...

Интересно, спустя сколько времени весь благородный Северный Доргон будет на раз определять меня, как антивирус — вредоносную программу? Месяц? Неделя? Несколько дней? Или — *УЖЕ?*

Нет-нет, последнее точно нет. Пока еще можно быть уверенным в том, что тебя не ищут. Вернуться я должен был только сегодня вечером. Вирон выделил мне на все про все четыре дня, четыре — священная цифра у ольджурцев. Число Номана. А вот с завтрашнего утра можно начинать бояться. И бояться по-настоящему, до дрожи в коленках, до стука зубов друг об друга, до тошноты, до усрачки. Потому что и на этом история не заканчивается. Есть еще финал — ужасный финал.

Помимо благородных, мною могут заняться профессиональные охотники за беглыми рабами. Конечно, это только если Вирон решит раскошелиться, потому как охотники мало не берут. А он раскошелится. Жадный до каждого кусочка мяса, до каждой лишней ложки похлебки, если дело касалось нашей кормежки, он запросто выкидывал по полсотни золотых, когда от него сбежал раб. Случалось это нечасто, как рассказывал Альтор. А при мне так и всего раз. Но я запомнил тот случай на всю свою жизнь.

Силай'гон просто устал. Хотя нет — он почувствовал, что ему осталось уже недолго. Старому, с изрытым морщинами лицом уроженцу далекой Вальтии, что раскинулась за Фрурским морем в тысяче риг отсюда, было уже за семьдесят. И ему приснилась смерть. Она сказала, что придет за ним через три дня, намекнув — нужно готовиться.

Вальтийцы представляют смерть в виде прекрасной обнаженной девственницы, символизирующей начало новой формы существования. Поэтому рассказывал о своем сне он

без сожаления и страха, а даже с какой-то мудрой улыбкой на иссохших от времени и палящего солнца губах. А мне почему-то было до тошноты страшно. Подумалось вдруг с дикой тоской — неужели и я сдохну рабом? Вот так же, как этот старьй, побитый жизнью человек? Да за что, Господи?

В ту же ночь он сбежал, предпочтя умереть на свободе. Я помню, как Альтор умолял хозяина оставить беглеца в покое, рассказав о том сне, что увидел Силай'тон. Но именно это и задело самолюбие Вирона.

— Если бы он сбежал в объятия ольджурской смерти, возможно, я бы и оставил его в покое. А к вальтийской красотке я отпустить его не могу.

Сказав это, он громко заржал, а спустя пару минут приказал одному из надсмотрщиков скакать во весь опор в Сухину, где жил Линк'Ург по прозвищу Нюх. Его услугами Вирон пользовался в таких случаях постоянно; как позже разъяснил мне Альтор, Нюх даже делал нашему хозяину скидки за то, что тот обращался только к нему. Везде охотники уже требовали по семьдесят золотых за поимку одного беглого, а с Вирона Нюх продолжал брать все тот же полтинник.

Охотник притащил сбежавшего старика на следующий день, привязав его к седлу своего коня, а точнее — лога. Так здесь называют животных, используемых для верховой езды и почти неотличимых видом от земных коней.

В глазах беглого была боль. Думаю, он очень надеялся умереть свободным, но Великая Эри отвернулась от него, впрочем, как и от всех нас, глазевших сквозь щели в амбарной стене, как Силая забивают до смерти кнутом, а пьяный Вирон стоит чуть поодаль и хлещет хорское, время от времени окрикивая надсмотрщика, чтобы тот дал старику передышку.

— Послабь, послабь! Пусть этот кусок старого мяса лучше разглядит свою красотку-смерть. Нет, только подумать, смерть — и вдруг прекрасная дева. А? Клянусь Номаном, эти вальтийцы просто озабоченные животные!

ГЛАВА 5

Отмахнувшись от воспоминаний, я принялся подбрасывать в костер толстые ветки, ломая их с помощью и рук и ног, а иногда использовал и вес тела. Некоторые из них еще не совсем засохли и отрухтели, отчего приходилось хорошенько напрягаться, хотя силы были почти на исходе. Ветки ломались с громким треском, я очень часто прекращал свое занятие, вертел по сторонам головой и прислушивался — не привлек ли кого излишним шумом?

Но вроде никого поблизости не было, и ни одну живую душу треск не прельстил подойти и глянуть — чего это тут творится. А вскоре костер стал более-менее нормальным, для того чтобы согреться и даже вздремнуть недалеко от него пару-тройку часиков, не боясь приближения хищников. Мир хоть и другой, но все же местное зверье, как и наше, побаивается огня. По крайней мере, хочется в это верить.

Расстелив куртку шагах в трех от костра и сняв пояс, я улегся и блаженно расслабился. Наконец-то! После стольких бессонных часов смогу нормально поспать. Предусмотрительно вытащенный из ножен клинок положил перед собой, зажав рукоять в кулаке. На всякий случай. Если не зверь, а разумное существо захочет приблизиться ко мне, буду наготове, а в таких случаях иногда и лишние секунда-две многое решают. Сию простую истину я понял благодаря невольным тренировкам с сыном Вирона. Этот гад поспешил на хорошего учителя и тренировал сынка сам, а я был чем-то вроде боксерского мешка. Впрочем, ему бы и хороший учитель не помог. Если бы не мое положение раба, быть бы Ригону'Стору битым каждый божий день. Но, увы, как говорится, положение обязывало.

Хорошо еще, что первый год тренировок проходил на деревянных подобиях мечей, ножей и прочего холодного оружия, и мое тело отделялось обычными синяками. Но дело было не только в положении. Просто я никогда

не показывал всего, чему успевал обучиться, продолжая играть полного идиота. Почему? Если вам не дай бог «повезет» когда-нибудь провалиться в чужой мир и попасть в рабство, вы обязательно попробуйте повести себя иначе. Тогда и объяснений никаких спрашивать не станете — поймете все на собственной шкуре.

В общем, первый год синяки, потом легкие и не очень порезы, когда дело дошло до настоящих стальных холодных «игрушек». Если бы не моя сноровка, которой я обладал, и не врожденный идеальный глазомер, этот жирный отпрыск своего папаши-свиньи убил бы меня без каких-либо эмоций. У него вообще все проходило без эмоций. Вечно сонное недовольное лицо без единого шевеления на нем. Ни мышцы, ни мысли. Если Вирона я ненавидел, то его отпрыска просто презирал.

Проспал я примерно часа три, судя по светилу, проползшему половину пути от горизонта к зениту. Поднявшись, немного подергался, чтобы разогнать кровь, и сразу почувствовал в желудке бездонную пустоту. Потом в нем потянуло, сжалось, пробурчало, и стало понятно, что у меня появился еще один актуальный вопрос. Чертовы идиоты, на которых я потратил все выданные мне Вионом деньги. Если бы не они, то сейчас бы просто вышел на дорожку и, думаю, через какое-то время добрался до ближайшего поселения, где с радостью навестил местную таверну. Хорское мне без надобности, а вот от жаркого или даже от простенькой похлебки не отказался бы. Значит, придется решать вопрос по-другому.

Сначала я решил было поохотиться. А что — догнать зверюшку, метнуть в нее «оглушением», а потом разделить и зажарить. Оглядевшись, направился к кромке поляны. На самой поляне никаких зверюшек, естественно, не было. Распугал я их, видимо, и треском, и огнем, и зарядкой после пробуждения. Поэтому пришлось углубляться в лес. Но и там, прорыскав минут двадцать, ни одной зверюги, желавшей стать дичью, не встретил. Даже

птиц, как назло, на ветках не было. Интересно, что ж за место такое, что пернатых ни одной? Я остановился и прислушался. Ни одного фьюти-фьють или даже чик-чирик в округе не раздавалось. Может, гиблое какое-то местечко?

От этой мысли стало немного не по себе. Альтор много рассказывал мне об этом мире, и гиблое место здесь — это не совсем как у нас. У нас это, скорее, так, присказка, а здесь, если гиблое — значит, мертвяки могут быть. Самые настоящие. Души неуспокоенные и прочая некондиция. В смысле для того чтобы попасть после смерти в определенное им место — некондиция. Вот и бродят по этому свету, докапываясь до живых.

Брр! Может, это тоже только местные сказки, но проверять сейчас не хотелось. Поэтому в голову пришло логичное умозаключение — нужно сваливать отсюда. Желательно ближе к дороге. То, что я беглый, никто все равно пока не определит, а там, среди живых существ, может, чего и придумаю. Помочь кому-нибудь, проводить, поднести.

Я огляделся по сторонам, и до меня вдруг дошло: где именно находится дорога — это еще поискать нужно. Вокруг сплошной лес — деревья, бурелом, кустарник, в проветах между всем этим оно же.

Пришлось задуматься. Так, я шел на восток, пытаюсь держаться параллельно выходившему в этом направлении из города тракту. Для этого сначала брал чуть правее, значит, тракт теперь будет на севере.

Поглазев несколько секунд на небо, определил по светилу, где примерно север, и зашагал напрямик, решив даже не обходить поваленные деревья и густой кустарник. В конце концов, направление я мог и неточно определить, но так хотя бы буду идти все время в одну сторону, а не рисовать круги. Было, конечно, страшновато, когда я, словно ледокол во льды, врубался в очередную заросль веток, однако успокаивало подготовленное заранее плетение. Само собой, наготове я держал «молнию». Если это

заклинание первого уровня я могу сплести за секунду, то на третий уровень, который я на всякий случай и приготовил, уходило уже секунд пять-шесть. Да и магической энергии требовалось на него гораздо больше, как для сборки, так и для поддержания в этом состоянии. Боевые плетения имеют свойство саморазрушаться в течение двадцати — сорока секунд.

Но экономить не решился, задействовав практически все имевшееся во мне на данный момент. Что, если на меня кинется какая-нибудь штука размером с носорога?

Прошагав почти час и чувствуя, как начинает подташнивать от голода, я уже начал унывать и даже подумывать о возвращении назад. Да-да. К этому ублюдку Вирону. Наверное, сказывалась двухлетняя привычка иметь хоть и паршивую еду, но все же стабильно, три раза в сутки. А вот теперь, когда тошнота встала в горле комом, а в глазах все чаще являли свои крылышки черные мухи, уныние принялось окутывать меня холодным болотным туманом.

Но когда оно уже окутало почти полностью, от самых пяток до макушки, я вдруг отчетливо расслышал скрип тележного колеса справа от себя.

Под сердцем волнительно кольнуло. Ускорив шаг, я двинулся в сторону звука. Правда, как далеко находится телега, определить с точностью не смог. Лес все-таки. В одном месте скрипнуло, в другом эхом отдалось, и дальше раскатилось по всей чащобе. Но это все мелочи. Главное — с направлением не ошибиться.

Через минут пять снова послышался скрип, уже совсем близко, а потом вдруг началось...

Крики, мощные хлопки, снова крики, дикий рев, снова крики, и поверх всего грубые ругательства на ольджурском, которых я наслышался за два года достаточно. Не слабее наших русских словечек и плетений из них. Я вот тут иногда даже думал, может, маты это какой-то древний вид лингвистической магии? А что? Помню, однажды мы

дома ремонт затеяли, и я хорошенько надышался краской. Потом уснул посреди дня с раскалывающейся головой, и мне такое причудилось, что волосы не только дыбом встали, но даже как будто ломанулись все разом искать на теле самое укромное местечко. В общем, меня что-то схватило за руки и потянуло к себе, повторяя утробным голосом мое имя. Дыхание свело тут же. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. И в тот момент, когда я уже решил, что меня это *что-то* утянет туда, куда оно меня тянуло, — я выmaterился. Да так, что услышь меня предки — остолбенели бы оттого, как их сын, оказывается, хорошо владеет древней лингвистической магией. Но вот то, что пристало ко мне, разом отпустило, отшатнулось, и тут же я перестал ощущать присутствие этой твари рядом. Хм, я потом размышлял: если это просто глюк был, то почему он именно от матюгов прекратился? А может, просто в «расширенном» состоянии наш мозг «задевает» какие-то другие миры и их сущности пытаются затащить нас в свою обитель еще и физически? Ну или, может, им достаточно просто «перекусить» нашим страхом... Может? Хм, я ведь два года нахожусь именно в таком другом мире...

Из-за густых зарослей кустарника, раскинувшихся впереди, на меня с остервенением бросилось нечто черное, размером примерно с пару львов. Я тут же метнулся в сторону и закопался в ветвях разлапистого куста, одного из тех, на которых пышными гроздьями висят оранжевые ягоды. Правда, помимо ягод, на нем полно и колючек, что я знал еще с первых дней нахождения в этом мире, но теперь особого внимания на такой нюанс не обратил. Протиснулся как можно глубже в ветки и только после этого развернулся и уставился на происходящее.

Вслед за черно-белой ревущей массой из зарослей выскочили пятеро здоровяков с огромными дубинами наперевес. Эта орава пронеслась мимо, шумно сопя и продолжая при этом ругаться, как строители. Вопреки расхожей

присказке, сапожникам до этих виртуозов матерного жанра ой как далеко.

То, что пыталось от них скрыться, разглядеть получилось не особенно. Понятно было одно — это какая-то огромная лохматая зверюга иссиня-черного окраса, которая полностью запутана в толстую ловчую сеть. К сети этой снизу были привязаны огромные камни, и зверюга с отчаянным ревом тащила их за собой. Судя по всему, передо мною один из видов охоты. Немного примитивный, конечно, но, видимо, за долгие годы отточенный до совершенства. Вон и один из преследователей зверюги совершенно отлетел в сторону, сбитый ударом хвоста. Тотчас же остальные четверо принялись колошматить со всей дури по этому самому хвосту, который торчал из-под сети и хлестал из стороны в сторону. На его конце имелась пара длинных и острых шипов, попади под такие — и можно со спокойной душой склеивать ласты.

Бедный зверь заревел еще сильнее и попытался развернуться, но сеть не позволила. Он пару раз качнулся и, не удержав равновесия, завалился набок. При этом сеть с одной стороны слегка задралась, и я с удивлением увидел кусочек крыла с черным оперением. Виар — тут же мелькнула догадка. Самый настоящий виар, о которых так много рассказывал Альтор'Кранг. Но откуда он здесь? По рассказам мага, виары не селились в Ольджурии уже больше сотни лет.

Однако размышлять о географических пристрастиях этих странных существ я не стал. Жалко, конечно, несчастную зверюшку, которая, судя по размерам, была далеко не зрелой особью, но я до чертиков хотел есть. Поэтому, забив на зрелище продолжавшейся охоты, рванул со всех ног в ту сторону, откуда вся эта оруще-ревущая кавалькада пару минут назад высыпала мне навстречу. Продрался сквозь ветки, остановился на кромке зарослей и бросил взгляд на маленькую поляну.

Справа стояла телега с запряженным в нее логом, по-

середине поляны еще один лог, который лежал на боку и дергался, скорее всего, в предсмертной агонии. Бок у него был разорван до такой степени, что во все стороны торчали переломанные ребра молочного цвета, а на шее виднелся «кубинский галстук». Перерезав горло когтем, виар, видимо, зацепил язык и вытянул его наружу. Да уж, мерзкое зрелище. Судя по всему, этого бедного лога охотники использовали в качестве приманки.

Чуть поодаль от подыхающей скотинки лежал один из охотников — с разбитой головой и вытекшими на зеленую траву мозгами. Белый кефир вперемешку с серой слизью. Я едва не сблевал, хотя и желудок мой был пуст, как карманы нищего. Впрочем, именно таковым я и являлся на данный момент. Нищим и голодным беглецом.

Перестав пялиться на кровавые сцены, рванул к телеге. Запряженный в телегу лог испуганно заржал, попытался назад, колесо снова скрипнуло, а внутри меня все покрылось инеем. О Великая Эри, ну хоть сейчас подари мне полминуты твоего милостивого взгляда. Мне хватит.

Пересилив страх, я схватил с телеги небольшой мешочек, похожий на обычный солдатский сидор, быстро стрельнул глазами, заметил под облучком кувшин, захватил и его и стрелой шмыгнул к мертвяку. Присел рядом, дрожащими руками обшарил карманы кафтана. Черт! Ни одной монетки. Зато на шее красовалась тонкая серебряная цепочка. Помешкав, все же сорвал ее, подхватил кувшин, поставленный на землю, и бросился к краю поляны. Оглянулся на секунду. Бедного виара, видимо, уже оглушили дубинками. Теперь из густых зарослей слышались только крики: «Поддай! Да вот здесь тяни, оболтус!», «Прох, разверни!», «За сеть, за сеть хватайся, Зелимо! Да камень же отвяжи, шоб тебя чревл сожрал!».

Понятное дело, что скоро эти здоровяки появятся с грузом на поляне. Еще раз оглядев ее, я вздохнул и бросился наутек, прижимая к груди добычу.